

Научная статья
УДК 343.16
EDN IOXXWZ
DOI 10.17150/2411-6122.2023.1.33-46

Предпосылки оптимизации компетенции субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство

Д.С. Мерлаков

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация, merlakov@gmail.com

Аннотация. Автор статьи подвергает анализу становление и развитие отечественного досудебного производства в дореволюционном и последующих периодах. На основе анализа нормативных правовых актов и мнений ученых-процессуалистов представлено видение отечественного досудебного производства, осуществляемого в двух формах: предварительного следствия и дознания. Представлена сущность каждой из указанных форм, установлено определенное сходство между ними. Анализ изменений отечественного уголовно-процессуального законодательства, позволили выделить временные периоды, когда осуществлялись шаги к стиранию граней между следствием и дознанием. Сказанное можно рассматривать как попытку провести постепенную реорганизацию органов предварительного следствия в органы дознания. Установлено, что проводимые в послереволюционные годы реформы правоохранительной системы обусловили упразднение органов предварительного следствия и реализацию нового подхода к формированию досудебного производства, который выражался в производстве расследования разрозненными органами. Обращено внимание на то, что уголовно-процессуальный порядок деятельности дознания стал выделяться в качестве важнейшей черты его производства. Сделан вывод о том, что в настоящее время в стадии предварительного расследования органы дознания и следствия обладают одинаковыми полномочиями; сбалансированного соотношения компетенции между следствием и дознанием нет; в настоящее время указанные формы предварительного расследования конкурируют между собой, что негативно сказывается на реализации уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих уголовное досудебное производство.

Ключевые слова: формы расследования, дознание, предварительное следствие, субъекты досудебного производства, совершенствование следственной деятельности, следователь, дознаватель.

Для цитирования: Мерлаков Д.С. Предпосылки оптимизации компетенции субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство / Д.С. Мерлаков — DOI 10.17150/2411-6122.2023.1.33-46. — EDN IOXXWZ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 1. — С. 33–46.

Original article

Prerequisites for Optimizing the Competencies of Subjects Carrying Out Criminal Pre-Trial Proceedings

D.S. Merlakov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, the Russian Federation, merlakov@gmail.com

Abstract. The author studies the establishment and development of Russian pre-trial proceedings in the pre-revolutionary time and later periods. Using the

analysis of normative legal acts and opinions of scholars of criminal process, the author presents a vision of Russian pre-trial proceedings, which are carried out in two forms: preliminary investigation and inquiry. The essence of each form is presented and certain similarities between them are established. The analysis of changes in Russian criminal procedure legislation made it possible to identify time periods when steps were taken to blur the boundaries between investigation and inquiry. This could be viewed as an attempt for a gradual reorganization of preliminary investigation bodies into inquiry bodies. It is established that the post-revolutionary reforms of the law enforcement system led to the abolition of the bodies of preliminary investigation and the implementation of a new approach to pre-trial proceedings when investigation was carried out by separate unrelated bodies. The author draws attention to the fact that criminal procedural order of the inquiry became a vital feature of conducting it. It is concluded that, currently, the bodies of inquiry and investigation have equal powers at the stage of preliminary investigation, and there is no balanced correlation of competences between the investigation and the inquiry; at present, these forms of preliminary investigation compete with each other, which has a negative effect on the implementation of criminal procedure competence of subjects carrying out criminal pre-trial proceedings.

Keywords: forms of investigation, inquiry, preliminary investigation, subjects of preliminary investigation, improvement of investigative work, investigator, inquirer.

For citation: Merlakov D.S. Prerequisites for Optimizing the Competencies of Subjects Carrying Out Criminal Pre-Trial Proceedings. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no 1, pp. 33–46. (In Russian). EDN: IOXXWZ. DOI: 10.17150/2411-6122.2023.1.33-46.

Построение эффективного государственного реагирования на преступления во все времена являлось предметом активных дискуссий в научных кругах, среди законодателей и правоприменителей. Поиск оптимальной процедуры и организации досудебного производства безусловно является перспективным направлением совершенствования уголовно-процессуального законодательства и научных исследований, поскольку до сих пор не сложилось единого доктринального представления о правильном построении досудебного производства.

Постепенно происходит переосмысление некоторых результатов перманентной судебной реформы, вследствие чего меняется ее курс, а соответствующая Концепция¹ подвергается корректировке. Кроме того, приходит осознание того, что стремление российского законодателя привести нормы уголовно-процессу-

ального закона в соответствие с международными стандартами посредством их имплементации не является панацеей, а наоборот заставляет задуматься о внешнем вмешательстве в уголовно-процессуальную правотворческую деятельность государства или «уголовно-процессуальный суверенитет» [1, с. 73–78].

Современный этап развития отечественного уголовно-процессуального законодательства позволяет иначе взглянуть на аргументы и доводы относительно предпосылок оптимизации досудебного производства, определить достоинства и недостатки имеющихся позиций.

Анализируя исторические факты становления и развития отечественного досудебного производства, отметим что до 1860 г. орган расследования представлял собой совокупность разрозненных должностных лиц и коллегиальных органов, которые в различные периоды выполняли функции по расследованию преступлений и привлечению лиц, их

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. 111 с.

совершивших, к уголовной ответственности². Предпосылки распределения компетенции по подследственности уголовных дел формировались достаточно давно, но не являлось категоричным, что не исключало вмешательств в чужую компетенцию. Концепция вневедомственного предварительного следствия была сформирована при Петре I, однако впоследствии независимые следственные органы были упразднены.

Этап становления досудебного производства по судебной модели стал формироваться после введения в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г.³ (далее — УУС).

Отказ от ранее действовавших институтов и норм сменил следователя полицейского на судебного следователя, положено начало формированию новых правоотношений в уголовном процессе. «Судебный следователь мог изучать и давать оценку материалам о совершенном преступлении, проверку по которым проводила полиция, с возможностью дополнить проведенное дознание, отменять необоснованное и незаконное решение, вынесенное при производстве дознания, поручать полиции сбор необходимой информации» [2, с. 28].

Обвинение возникало из внешних по отношению к следствию источников, могло быть начато по требованию судебных мест, губернского прокурора, стряпчих, приставов, создавая при этом условия для беспристрастного исследования следователем обвинения. Немаловажным является то, что осуществлялось разграничение на дела, преследование по которым реализо-

вывалось в порядке частного, частно-публичного и публичного обвинения с указанием круга субъектов, его осуществляющих. Поводом к началу следствия, согласно УУС (ст. 297–300), являлись обвинения и жалобы частных лиц, сообщение полиции и других органов, явка с повинной, возбуждение дела прокурором, по несправедливому усмотрению следователя, а также анонимные сообщения, содержащие сведения об общественно-опасном деянии. Складывающаяся следственная деятельность означала отказ от розыскной формы процесса. Построение предварительного следствия осуществлялось на началах состязательности, при которой функции следователя уподоблялись роли судьи, а сама она состояла в объективном и непредвзятом разрешении вопроса об обоснованности обвинения, выдвинутого, по общему правилу, обвинительной властью [3, с. 27–28].

Деятельность полиции именовалась дознанием — непроцессуальной деятельностью, направленной на раскрытие преступлений, установление и розыск лиц, совершивших преступление, оказание содействие следственным органам, выполнение их поручений. Как отмечал И.Я. Фойницкий, «...оно не имеет дело с судебными формами и обрядами и представляет собой деятельность несудебную» [4, с. 357]. А.А. Квачевский под дознанием понимал «первоначальное производство, имеющее целью собирание данных для удостоверения в том, что известное событие составляет деяние, запрещенное законом под страхом наказания, и для открытия виновника этого деяния» [5, с. 3]. То есть по своему характеру данная деятельность представляла собой административную и оперативно-розыскную, целью которой являлось проверка обоснованности поступившей

2 Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 79–115.

3 Российское законодательство X–XX вв. Судебная реформа. Т. 8 : Устав уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 118–384.

жалобы, собирание сведений о преступлении для начала следствия, розыска лиц, совершивших преступление. В этом отношении справедливо суждение Ю.В. Деришева о том, что «дознание зарождалось как административная деятельность полиции на первоначальном этапе досудебного производства и осуществлялось оно не по процессуальным правилам, обязательным только для производства предварительного следствия» [6, с. 164]. Детальная регламентация деятельности дознания в УУС отсутствовала. Органы дознания рассматривались как несудебные органы, их деятельность являлась непроцессуальной, ее результаты выступали основанием для производства предварительного следствия. То есть, дознание, производимое полицией, представляло собой не самостоятельную форму расследования, а производство розыскных, а также неотложных действий.

С.И. Гирько отмечает, что «в дореволюционном законодательстве фактически существовало три вида дознания: как способ проверки заявлений и сообщений о преступлениях и проступках; по делам местных установлений; по делам подсудным окружным судам» [7, с. 16–17]. Деятельность, связанная с обнаружением только что совершившегося или совершающегося преступления, когда следы могли быть утрачены до прибытия на место происшествия следователя (ст. 238, 252-258 УУС), осуществлялась по аналогии со сложившемся в современном уголовном процессе институтом производства неотложных следственных действий.

Уточним, что досудебное производство того времени нельзя было назвать безупречным. Как писал В.П. Даневский: «предварительное следствие по Судебным Уставам Императора Александра II — едва ли не самая слабая

часть нашего уголовного процесса» [8, с. 23]. Проявлялось это в разных направлениях: низкой раскрываемости преступлений; медленности производства предварительного следствия по уголовным делам, высокой нагрузкой, возложенной на следователей⁴.

Особая комиссия в результате анализа следственной деятельности выявила причины организационного и законодательного плана, способствовавшие такому неблагоприятному течению дел, которые выражались: в отсутствии в законодательных актах юридических границ, которые регулируют порядок производства следствия и дознания по уголовным делам; отсутствие надлежащего контроля за производством предварительного следствия и дознания; неопределенность законодательных норм, регулирующих порядок производства следствия и дознания; зависимость от вышестоящего административного начальства; принижения следователя в иерархии судебных чинов; отсутствие на всей территории России надлежащим образом организованного и контролируемого полицейского сыска преступников, организованного параллельно с предварительным следствием⁵. Кроме того, уже в те годы прослеживалась тенденция к смешению деятельности дознания и следствия, что вызывало опасение, связанное с возвратом к дореформенному порядку, когда следствие осуществлялось полицией. Фактически следователь не был огражден от выполнения розыскных функций и в тех случаях, когда обвиняемый скрылся или, когда он не был установлен. Этим ограничивалось основ-

4 Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. СПб., 1882. С. 142–143.

5 Комиссия для исследования недостатков современного состояния следственной части: отчет. СПб., 1870. С. 25.

ное условие объективности следователя. Рассматривалось усиление судебной составляющей его статуса, в том числе освобождение от участия в розыскной деятельности. При этом актуальным являлся вопрос упрощения процедуры досудебной подготовки материалов. Отметим, что обозначенные проблемы не теряют своей актуальности и сегодня.

До 1917 г. основной целью законодателя в сфере совершенствования досудебного производства являлось отделение судебной власти от административной. Приоритетным направлением было исключение любого вмешательства полиции в судопроизводство, следователь являлся частью судебной власти. Однако стоит уточнить, что по поручению прокурора расследование уголовных дел могло осуществлять иное должностное лицо. При реализации своих процессуальных полномочий по производству дознания полиция была подчинена Судебному следователю и лицу прокурорского надзора. Самостоятельность в принятии решений при производстве дознания полиция не обладала, материалы по окончанию дознания передавались в органы прокурорского надзора, которые определяли дальнейшую судьбу расследования [7, с. 41–42]. Однако постепенно деятельность дознания процессуализировалась, превращаясь в альтернативу предварительного следствия, сохранялись опасения возврата к дореформенному порядку осуществления следствия полицией.

В рамках приведенной модели досудебное производство развивалось вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Декретом СНК РСФСР от 24.11.1917 г. № 1 «О суде» упразднены институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры, приостановлена деятельность института мировых су-

дей. Предварительное следствие по уголовным делам возложено на местных судей единолично [9, с. 187].

Проводимые в послереволюционные годы реформы правоохранительной системы обусловили становление нового подхода к формированию досудебного производства, который выражался в производстве расследования разрозненными органами, а существовавшие ранее органы предварительного следствия были упразднены. Для расследования преступлений, связанных с противниками революции, создавались особые следственные комиссии (окружных народных судов, по делам революционных трибуналов, всероссийские и местные чрезвычайные комиссии). В результате функционирования большого количества органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное следствие, как таковой контроль за их процессуальной деятельностью отсутствовал. При этом продолжался поиск наиболее эффективного построения судебно-следственной системы для вновь созданного государства.

Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. вернуло подконтрольного суду следователя. Однако его компетенция не имела четкой законодательной регламентации, что приводило к несистемному закреплению ее за разными субъектами досудебного производства.

В последующем принятые Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922, 1923 гг. наделяли следователя определенной самостоятельностью, которая выражалась в наличии полномочий по прекращению или приостановлению дела. Прокурор был наделен правом руководить ходом расследования, определять подследственность уголовных дел, распределяя их между следствием и дознанием, которое проводилось как правило по преступлениям небольшой тяжести. Стоит обратить

внимание на то, что границы между предварительным следствием и дознанием продолжали стираться.

Уголовно-процессуальный порядок деятельности дознания стал выделяться в качестве важнейшей черты его производства. Основной формой расследования являлось предварительное следствие, однако принципиальное различие между следствием и дознанием не проводилось.

С.Б. Россинский справедливо замечает, что «по истечению столь длительного времени уже достаточно сложно понять истинные причины, побудившие раннесоветского законодателя сконструировать принципиально новую на тот момент концепцию дознания как полноценной альтернативы предварительного следствия, что фактически предопределило доказательственное значение его результатов» [10, с. 33]. Постепенно перечень уголовных дел, по которым расследование проводили органы дознания, расширялся. Переключивались и процессуальные формы, установленные для предварительного следствия. Возрастающая нагрузка по уголовным делам следователей перераспределялась путем поручения их расследования органу дознания.

В УПК РСФСР 1923 г. стало отражаться усиление обвинительной власти прокуратуры, самостоятельность следователя ограничивалась.

В результате последующего реформирования следователи были выведены из судов и полностью подчинены прокурорам. Принятые 25 декабря 1958 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик⁶ наделили правом производства предварительного следствия лишь следователей прокуратуры и органов безопасности.

⁶ Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 дек. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. С. 15.

В зависимости от исторических и политических шагов, которые делало наше государство, место и роль следственного аппарата кардинально менялись. А.Ю. Зотов полагает, что после 1936 г. формально следственный аппарат был единым, однако реально часть уголовных дел расследовалась органами милиции, входившими в состав НКВД, так как прокурорами и следователями делегировалось право производства предварительного следствия милиции. В последующем должности следователей были введены и в органах внутренних дел [11, с. 16–17]. По сути административные органы наделяются полномочиями по проведению предварительного расследования, расширяется область деятельности органов дознания [12, с. 13].

Социально-экономические и политические изменения, происходившие с начала 1990-х гг. повлияли на развитие досудебного производства в России, которое сложилось под влиянием розыскного начала и детальной регламентацией его порядка.

Анализ изменений отечественного уголовно-процессуального законодательства, позволяет условно выделить временные этапы, в результате преодоления которых законодателем делались шаги к стиранию граней между следствием и дознанием, что можно рассматривать как попытку провести постепенную реорганизацию органов предварительного следствия в органы дознания. В свою очередь, по нашему мнению, модернизация отечественного досудебного производства в таком ключе значительно сократило бы его временные и ресурсные затраты, при этом обеспечило бы права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Это позволило бы в большей степени реализовать права граждан на быстрый доступ к правосудию.

Авторы Концепции судебной реформы указали на отсутствие грани «между процессуальной и непроцессуальной деятельностью: УПК РСФСР использует многочисленные административные процедуры (особенно в главе о возбуждении уголовных дел); одинаковое юридическое значение придается дознанию, следствию и протокольной форме досудебной подготовки материалов; начальник следственного отдела, т.е. административный руководитель, наделен процессуальными функциями»⁷.

В УПК РФ присутствуют в разных пропорциях элементы континентальной и англо-американской модели. Идеи состязательности с уголовного судопроизводства США перенесены в смешанную форму отечественного уголовного процесса. Сегодня российское досудебное производство пережило серьезные изменения, в связи с чем существенно отличается от своих зарубежных аналогов, представляет собой поэтапное осуществление двух самостоятельных стадий. С.Б. Россинский справедливо полагает, что в Российской Федерации под влиянием различных факторов сформировалась особая национальная модель уголовного судопроизводства, предполагающая слияние следственных полномочий с полицейскими, относящая процессуальную функцию предварительного расследования к компетенции «силовых» министерств и ведомств [13, с. 67].

Считаем необходимым согласиться с О.В. Мичуриной в том, что в поисках путей построения оптимальной модели досудебного производства следует соблюдать правильный баланс между собственными исторически сложившимися правовыми традициями и эффективным опытом других стран [14, с. 229]. По-

пытки заимствовать правовую систему другого государства, где она сформировалась исторически с учетом традиций и менталитета и использовать ее в отечественном процессе может привести к ее отторжению.

Концепция судебной реформы предусматривала недопустимость подчинения следователя административным начальникам, наделения их процессуальными полномочиями и правом контролировать ход и результаты расследования, объединения следователей и дознавателей в одном ведомстве. Предусматривалось заменить прокурорский надзор судебным контролем, при этом сохранить функцию процессуального руководства следствием за прокуратурой. Однако последующее реформирование досудебного производства пошло другим путем.

Советская модель предварительного расследования окончательно перестала существовать в результате реформы 2007 г., когда следователи были выведены из органов прокуратур. К этому можно относиться по-разному, однако, полагаем, что в этом есть определенная целесообразность, поскольку нельзя одновременно осуществлять расследование, при этом объективно и эффективно надзирать за следствием.

Предпринятые попытки разграничить компетенцию по осуществлению уголовно-процессуальных функций в данном случае обусловлены тем, что, с одной стороны, прокурор освобождается от ответственности за результаты следствия, может с большей принципиальностью обеспечить надзор за законностью досудебного производства, с другой, освобожденный от процессуального контроля прокурора следователь приобретает необходимую самостоятельность.

Прокурор практически полностью утратил право на процессуальное ру-

⁷ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 22.

ководство органами предварительного расследования. Последующее развитие отношений между прокурором и следователем, по мнению Н.А. Колоколова, вылилось в «великое противостояние» [15, с. 9–29], при этом определение судебной перспективы по уголовному делу — компетенция прокурора, так как закон возлагает на него обязанность надзора за соблюдением законности на всех, без исключения, стадиях уголовного процесса. Следователь ограничивается обязанностью качественно расследовать уголовное дело.

Обратим внимание на то, что в «различные периоды существования прокуратуры менялось соотношение надзорных полномочий и полномочий по осуществлению уголовного преследования, однако прокуратура была учреждена и всегда действовала, прежде всего, как государственный орган надзора за законностью» [16, с. 13].

Права руководителя следственного органа, осуществляющего ведомственный процессуальный контроль за работой подчиненного следователя, практически не ограничены. В настоящее время следователь утратил свое главное качество — самостоятельность.

Стоит отметить, что вопрос о создании единого следственного органа периодически возникал с конца 1950-х гг., и даже был заложен в концепцию судебной реформы. Однако, нельзя не сказать о том, что идея о создании единого следственного органа не увенчалась успехом. По справедливому замечанию Л.В. Головки, данная идея представляет собой не столько решение имеющихся проблем, сколько является «очередным проявлением «турбулентности» отечественного предварительного следствия, не добавляющим ему институциональной стабильности» [17, с. 9–15].

Некоторые современные ученые и правоприменители активно выступают за введение в уголовный процесс нового участника — следственного судьи: для производства предварительного расследования в полном объеме, в том числе для досудебного депонирования доказательств [18, с. 193–195], или только для осуществления судебно-контрольных функций [там же, с. 162–164; 19, с. 18–25]. По мнению председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, воссоздание корпуса следственных судей может помочь решить системные проблемы уголовного процесса [20]. Однако, еще в 2003 г. В.В. Никулюк и Ю.В. Дерришев высказывались о необходимости создания специального судебного органа при судебном ведомстве — следственного судьи для организации судебного контроля за производством предварительного расследования [21, с. 170].

По смыслу понятия «следственный судья» и «судебный следователь» имеют много общего, однако не равнозначны. На это обоснованно обращает внимание О.В. Химичева, поскольку между указанными участниками ученые часто не проводят четкой границы, фактически их отождествляя [22, с. 392–398]. Институт судебных следователей, как уже было отмечено ранее, существовал в истории российского досудебного производства, в отличие от следственных судей.

А.В. Пилюк полагает, что следственным судьей можно в настоящее время считать судью, осуществляющего в соответствии с положениями УПК РФ функцию судебного контроля на стадиях досудебного производства. То есть разрешающего органам расследования проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, рассматривающего ходатайства о применении мер пресечения, а также разрешающего жалобы в

порядке ст. 125 УПК РФ [23, с. 25]. Думается, с этим можно согласиться.

Введение данной фигуры в уголовный процесс фактически предполагает дублирование компетенции [24, с. 107]. Считаем, что существующий уголовно-процессуальный механизм в полной мере обеспечивает защиту прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса. В этом отношении справедливы, на наш взгляд, высказывания В.М. Быкова и Н.С. Мановой о том, что путем замены судебно-контрольных и прокурорско-надзорных механизмов обеспечения законности досудебного производства на деятельность следственного судьи имеющиеся проблемы разрешены не будут, а наоборот, добавится волокита в виде промежуточной инстанции между следователем, прокурором и судом [25, с. 46].

Рассматривая следственную деятельность как подготовку материалов уголовного дела до суда и для суда, очевидно, что расследование «неочевидных преступлений» (розыск виновных, свидетелей, соответствующего комплекса доказательств) является компетенцией других, далеко не следственных структур, т.е. уголовного розыска и др. [26, с. 46]. Кроме того, не является следственной задачей выявление преступлений.

Концепция судебной реформы предусматривала ликвидацию дознания как самостоятельной формы расследования. Необходимость дифференциации данных форм в зависимости от характера и тяжести преступления, связана в первую очередь с тем, что следственные силы необходимо расходовать более рационально. Как верно замечает Т.Ю. Сабельфельд, основная идея дознания заключается в сокращении процессуальных издержек, повышении оперативности и упрощении процедуры расследования [27, с. 36].

Обратим внимание, что при принятии УПК РФ законодатель отказался от

нормативного закрепления задач быстрого и полного раскрытия преступления, а также всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела по аналогии с положениями УПК РСФСР. По этому поводу интересную позицию высказал профессор В.В. Никулюк о том, что тем самым законодатель дал понять, что «раскрытие преступления» и «расследование преступления» взаимосвязаны, но все же являются самостоятельными элементами досудебного производства. В ч. 2 ст. 317¹, ч. 1 ст. 317⁵, ч. 2 ст. 317⁶, п. 1 ч. 4 ст. 317⁷ УПК РФ сказано о содействии подозреваемого или обвиняемого следствию в раскрытии преступления. Это дает основание утверждать, что следователь, как и дознаватель относится к субъектам раскрытия преступления. Таким образом, УПК РФ не отказался полностью от понятия «раскрытие преступления», это указывает на его уголовно-процессуальный характер [28, с. 330–336].

Перспективы дальнейшей оптимизации компетенции субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство, актуализируют вопрос о роли таких субъектов в механизме раскрытия и расследования преступлений, кем они были в прошлом, какими являются в настоящем и какими могут стать в будущем.

Результаты ретроспективного анализа развития досудебного производства позволяют с очевидностью констатировать, что его идеальных форм в отечественной истории, а также в практике современных зарубежных государств не существует. Однако последовательные шаги законодателя к слиянию предварительного следствия и дознания указывают на то, что принимались меры к упрощению и ускорению процедуры направления материалов уголовного дела, не представляющих определенную сложность в суд для рас-

смотрения, по существу. Однако последствием данных преобразований является то, что в настоящий момент мы имеем две практически схожие формы расследования, имеющих незначительные различия. Исключение составляет дознание в сокращенной форме.

В соответствии с ч. 3 ст. 151 УПК РФ производство предварительного расследования в форме дознания возложено на должностных лиц пяти органов государственной власти, а также следователей Следственного комитета Российской Федерации. Их компетенция ограничена предметной (родовой), персональной (субъектной) подследственностью. При этом порядок производства дознания следователем СК РФ практически не регламентирован, равно как и порядок осуществления ведомственного процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа за данной деятельностью.

Неопределенное положение прокурора, наделенного отличными друг от друга полномочиями по надзору за следователем и дознанием, так же негативно влияет на реализацию его компетенции. Данные проблемы остаются дискуссионными для российской уголовно-процессуальной доктрины. Однако следует констатировать, что сегодня фактически существует «параллельное» дознание, осуществляемое следователем, что все сильнее приводит к вопросу о необходимости такой дифференциации.

К.В. Муравьев высказал точку зрения об оптимизации уголовного процесса путем включения организационно-правовых мероприятий в виде реорганизации органов предварительного расследования в органы дознания, которые будут осуществлять свою деятельность при надзоре и руководстве прокурора [29, с. 409]. Иными словами, речь идет о модели организации пред-

варительного расследования по «германскому» типу [17, с. 9–15].

Однако Л.В. Головки не обоснованно полагает что «сохранение самого предварительного следствия (как института) выглядит необходимым — его разрушение может позитивно рассматриваться сторонниками англо-американского пути развития, но для российской уголовно-процессуальной системы оно не только губительно, но и объективно невозможно» [30, с. 78]. Сказанное заставляет задуматься о предпосылках оптимизации дознания и следствия, а также построения наиболее оптимальной модели досудебного производства.

Резюмируя изложенное, отметим, что сегодня в стадии предварительного расследования органы дознания и следствия обладают одинаковыми полномочиями: по производству следственных действий; применению мер уголовно-процессуального принуждения; принятию решений, влияющих на ход расследования. Сбалансированного соотношения компетенции между следствием и дознанием законодателю установить не удалось. Приходится признать, что в настоящее время указанные формы предварительного расследования конкурируют между собой. По нашему мнению, это негативно влияет на реализацию уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих уголовное досудебное производство. В связи с чем, актуальна постановка вопроса об оптимизации расследования, которое может производиться в полной или сокращенной процедуре. Возможность применения таких форм досудебного производства должна оцениваться с учетом фактических обстоятельств дела. Это позволит адаптировать уголовный процесс к современным условиям, избавит его от избыточных, дублирующих друг друга элементов при расследовании уголовных дел.

Список использованной литературы

1. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головкин. — Москва : Городец, 2022. — 464 с.
2. Андреева О.А. Реформирование деятельности российских следственных органов во второй половине XIX века / О.А. Андреева, М.Ю. Фисаков. — EDN FBAOVH // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Д.Н. Кожухарика. — Москва, 2020. — С. 26–30.
3. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики : учебник / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. — Москва : Юрайт, 2012. — 476 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Альфа, 1996. — Т. 2. — 607 с.
5. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство / А.А. Квачевский. — Санкт-Петербург : Тип. Ф.С. Суздальского, 1867. — Ч. 2 : О дознании и розыске. — 375 с.
6. Деришев Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России / Ю.В. Деришев. — Омск : Изд-во Омской акад. МВД России, 2004. — 340 с.
7. Гирько С.И. Деятельность полиции в уголовном судопроизводстве : монография / С.И. Гирько. — Москва : Изд-во ВНИИ МВД России, 2013. — 224 с.
8. Даневский В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа / В.П. Даневский. — Киев : Изд-во Семенко Сергей, 2003. — 142 с.
9. Судостроительство, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры : учеб. пособие / под ред. А.Н. Артамонова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Омск : Изд-во Омской акад. МВД России, 2020. — 256 с.
10. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография / С.Б. Россинский. — Москва : Норма, 2021. — 408 с.
11. Зотов А.Ю. Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности : монография / А.Ю. Зотов ; под ред. Е.А. Зайцевой. — Москва : Юрлитинформ, 2021. — 184 с.
12. Баранов А.М. Понятие и назначение уголовного судопроизводства. Источники уголовно-процессуального права / А.М. Баранов, Ю.В. Деришев, Ю.А. Николаев. — Омск : Изд-во Омской акад. МВД России, 2003. — 49 с.
13. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография / С.Б. Россинский. — Москва : Проспект, 2019. — 192 с.
14. Мичурин О.В. Оценка эффективности процедур досудебного производства зарубежных стран и возможности их имплементации в уголовный процесс России / О.В. Мичурин. — EDN TWVPZS // Уголовное судопроизводство России: Проблемы и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — СПб., 2020. — С. 228–232.
15. Колоколов Н.А. «Великое противостояние»: следователь vs прокурор / Н.А. Колоколов. — EDN TENZCR // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 5. — С. 9–29.
16. Горлов В.М. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.М. Горлов. — Москва, 2008. — 24 с.
17. Головкин Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия / Л.В. Головкин. — EDN SHCIUT // Уголовное судопроизводство. — 2014. — № 2. — С. 9–16.
18. Аппарат власти следственной / под ред. Н.А. Колоколова. — Москва : Юрлитинформ, 2016. — 384 с.
19. Червоткин А.С. Как повысить эффективность судебного контроля за предварительным следствием / А.С. Червоткин. — EDN PCBPPL // Уголовный процесс. — 2012. — № 4. — С. 18–25.
20. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах / В.Д. Зорькин // Российская газета. — 2014. — 18 дек.

21. Николок В.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России / В.В. Николок, Ю.В. Дерিশев. — Красноярск : Изд-во СЮИ МВД России, 2003. — 198 с.

22. Химичева О.В. Судебный следователь или следственный судья? / О.В. Химичева. — EDN VYILYB // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты : материалы Междунар. науч. практ. конф. В 2 ч. — Москва, 2015. — Ч. 1. — С. 392–398.

23. Пиюк А.В. «Следственный судья» или «судебный следователь»: какая реформа нам нужна? / А.В. Пиюк. — EDN ТКАТАВ // Уголовная юстиция. — 2014. — № 2 (4). — С. 24–28.

24. Воробей С.Н. Институт следственных судей в России: проекты и прожекты / С.Н. Воробей, В.Н. Чаплыгина. — EDN KLCJQI // Научный вестник Орловского юридического института МВД России. — 2022. — № 2 (91). — С. 103–110.

25. Быков В.М. Нужен ли уголовному судопроизводству России следственный судья? / В.М. Быков, Н.С. Манова. — EDN UCNIOR // Законность. — 2015. — № 6 (968). — С. 44–46.

26. Следственная деятельность / под ред. Н.А. Колоколова. — Москва : Юрлитинформ, 2021. — Кн. 1 : Anchetator. — 232 с.

27. Сабельфельд Т.Ю. Процессуальные полномочия прокурора по осуществлению надзора за деятельностью органов дознания / Т.Ю. Сабельфельд. — EDN UWODZW // Российский следователь. — 2021. — № 2. — С. 33–36

28. Николок В.В. Раскрытие преступления как уголовно-процессуальная категория / В.В. Николок. — EDN MRXPLN // Теория и практика расследования преступлений : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар, 2021. — С. 330–336.

29. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / К.В. Муравьев. — Омск, 2017. — 505 с.

30. Головкин Л.В. О проблемах российского уголовного процесса / Л.В. Головкин. — EDN TBCRXR // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2014. — № 1 (1). — С. 75–80.

References

1. Golovko L.V. *The State and its Criminal Proceedings*. Moscow, Gorodets Publ., 2022. 464 p.

2. Andreeva O.A., Fisakov M.Yu. Reform of the Russian investigative bodies of the XIX century: dynamics of change of models of activity. In Kozhukharik D.N. (ed.). *Creation and development of a model of preliminary investigation bodies in the Russian Empire. Materials of All-Russian Research Conference*. Moscow, 2020, pp. 26–30. (In Russian). EDN: FBAOVH.

3. Lazareva V.A., Tarasov A.A. *Criminal procedure law. Topical problems of theory and practice*. Moscow, Yurait Publ., 2012. 476 p.

4. Foinitskii I.Ya. *A Course in Criminal Court Procedure*. Saint Petersburg, Al'fa Publ., 1912. Vol. 2. 607 p.

5. Kvachevskii A.A. *On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation on court statutes of 1864. A theoretical and practical guide*. Saint-Petersburg, F.S. Sushchinskii Publ., 1867. Pt. 2. 375 p.

6. Derishev Yu.V. *The concept of criminal pretrial proceedings in the legal doctrine of modern Russia*. Omsk, Academy of the MIA of Russia Publ., 2004. 340 p.

7. Girko S.I. *Activities of the police in criminal proceedings*. Moscow, All-Russian research Institute of the Ministry of internal Affairs Publ., 2013. 224 p.

8. Danevskii V.P. *Our preliminary investigation, its shortcomings and reform*. Kiev, Sergey Semenko Publ., 2003. 142 p.

9. Artamonov A.N. (ed.). *Judicial system, organization of the Prosecutor's office, preliminary investigation bodies and the bar*. 2nd ed. Omsk, Academy of the MIA of Russia Publ., 2020. 256 p.

10. Rossinskii S.B. *Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case: The Essence and Methods of Collecting Evidence*. Moscow, Norma Publ., 2021. 408 p.

11. Zotov A.Yu.; Zaitseva E.A. (ed.). *Officials of preliminary investigation bodies as subjects of criminal procedure activities*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 184 p.

12. Baranov A.M., Derishev Yu.V., Nikolaev Yu.A. *The Concept and Purpose of Criminal Proceedings. Sources of Criminal Procedure Law*. Omsk, Academy of the MIA of Russia Publ., 2003. 49 p.

13. Rossinskii S.B. *Detention of the Suspect: the Constitutional Intersectoral Approach*. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 192 p.

14. Michurina O.V. Evaluation of the Effectiveness of Pre-trial Proceedings in Other Countries and the Possibility of their Implementation in Russian Criminal Process. *Criminal Proceedings in Russia: Problems and Prospects of Development*. Saint-Petersburg, 2020, pp. 228–232. (In Russian). EDN: TWVPZS.

15. Kolokolov N.A. «The great opposition»: the investigator vs the prosecutor. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2014, no. 5, pp. 9–29. (In Russian). EDN: TEHZCR.

16. Gorlov V.M. *Powers of the prosecutor at the stage of initiation of a criminal case*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2008. 24 p.

17. Golovko L.V. Archetypes of pre-judicial proceeding, possible perspectives of development of Russian preliminary investigation. *Ugolovnoe Sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2014, no. 2, pp. 9–16. (In Russian). EDN: SHCIUT.

18. Kolokolov N.A. (ed.). *Apparatus of the investigative power*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 384 p.

19. Chervotkin A.S. How to Improve the Effectiveness of Court Control over Preliminary Investigation. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2012, no. 4, pp. 18–25. (In Russian). EDN: PCBPPL.

20. Zor'kin V.D. The Constitution Lives in Laws. *Rossiiskaya Gazeta*, 2014, December 18. (In Russian).

21. Nikolyuk V.V., Derishev Yu.V. *Optimization of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia*. Krasnoyarsk, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2003. 198 p.

22. Khimicheva O.V. Is a judicial investigator or an investigative judge? *Organization of the Activities of Crime Investigation Agencies: Managerial, Legal and Forensic Aspects. Materials of International Research Conference*, Moscow, 2015, pt. 1, pp. 392–398. (In Russian). EDN: VYILYB.

23. Piyuk A.V. «The investigating judge» or «the court investigator»: what reform do we need? *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2014, no. 2, pp. 24–28. (In Russian). EDN: TKATAB.

24. Vorobey S.N., Chaplygina V.N. Institute of investigative judges in Russia: projects and projects. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov*, 2022, no. 2, pp. 103–110. (In Russian). EDN: KLCJQI.

25. Bykov V.M., Manova N.S. Do criminal proceedings in Russia need an investigating judge? *Zakonnost' = Legality*, 2015, no. 6, pp. 44–46. (In Russian). EDN: UCNIOR.

26. Kolokolov N.A. (ed.). *Investigative Activities*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. Bk. 1. 232 p.

27. Sabelfeld T.Yu. Prosecutor's procedural power to exercise supervision over the bodies of inquiry. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2015, no. 6, pp. 44–46. (In Russian). EDN: UWODZW.

28. Nikolyuk V.V. Disclosure of a crime as a criminal procedure category. *Theory and Practice of Crime Investigation. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar, 2021, pp. 330–336. (In Russian). EDN: MRXPLN.

29. Murav'ev K.V. *Optimization of the Procedural Form of Application of Criminal Law*. Doct. Diss. Omsk, 2017. 505 p.

30. Golovko L.V. Problems of Russian criminal procedure. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty, Southern Federal University*, 2014, no. 1, pp. 75–80. (In Russian). EDN: TBCRXR.

Информация об авторе

Мерлаков Данил Сергеевич — старший преподаватель кафедры криминалистики, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, подполковник полиции, г. Омск, Российская Федерация.

Author Information

Merlakov, Danil S. — Senior Instructor, Chair of Criminalistics, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Police Lieutenant Colonel, Omsk, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 20.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.01.2023

Принята к публикации / Accepted 27.01.2023

Дата онлайн-размещения / Available online 23.03.2023